

6.5 Турова Ольга Владимировна,
Врач-офтальмолог Железнодорожной поликлиники
на станции Барнаул с 1967 по 1990 годы.
«Отличник здравоохранения РФ».

В Барнаул приехали
Семнадцатилетние
В середине века,
В том тысячелетии.

Были мы весёлыми,
Не вполне упитанными.

Городами, сёлами
В строгости воспитанными.

Как же мы любили
Свой мединститут!
Здесь мы и учились...
Да и жили тут.

Мы всерьёз учились,
Не жалея жизни.
Мы гранит науки
В порошок изгрызли.

Где преподаватели
Лекции читали,
В том же зале актовом
Мы и танцевали.

Как мы веселились
Вопреки невзгодам!
Чужаки ломились
На танцы по субботам.

А потом галопом
Время проскакало,
И страны Советов
Вроде не бывало.

Вроде мы не жили,
Вроде не смеялись,
Вроде не дружили,

А лишь всего боялись...

А мы рассвет встречали
Там, где захотели,
По ночам гуляли,
На аллеях – пели!

Барнаул меняется,
Лучше стал заметно,
Наш АГМИ является
Университетом.

В университете
Вроде всё по-старому –
Там нас представляет
Римма Комиссарова.

Наш АГМИ теперь уже
Не АГМИ – АГМУ!
Ничего дороже нет
Сердцу моему!

Весенний пал

Огонь сжигал до черноты
Береговой наряд зелёный –
Траву, деревья и кусты,
И даже воздух раскалённый.

Птенцы и мелкое зверьё,
Которые здесь обитали,
В том адском пламени живьём
Все задохались и сгорали.

Над раскалённою землёй,
Где всё страдало и болело,
Спасительною высотой
Прохладно небо голубело.

Из выси нежно-голубой
Со всех сторон слетались птицы,
Чтоб гнёзда заслонить собой,
Чтоб за птенцов своих вступиться.

Стрелой в огонь они неслись,
И ярко вспыхивали перья.
И, загораясь, камнем вниз —
На полыхающую землю.

Их было бесконечно много,
Они летели в пекле лютom,
Верны родительскому долгу,
Сгорали, падали салютом.

А человек, пустивший пал,
В своём жилье спокойно спал.
Пусть в страшном сне ему приснится,
Что он летит, подобно птице,
Что это ОН, сплошная боль,
Сгорая, падает в огонь!

Как от хмельного сна очнётся,
Так совесть, может быть, проснётся.

Гусь над железною дорогой
Сидел печально, одиноко,
Ведь над перилами моста
Он приземлился неспроста.

Хоть и прожил он очень мало,
А жизнь уж крылья поломала.

И от тоски и одиночества
Ему лететь куда-то хочется.
Уж шею вытянул вперёд,
Уже крылом вот-вот взмахнёт.

Вот прилетела лебедиха,
Сидит задумчиво и тихо:
«Любимый мой, не улетай.
Нет края краше, чем Алтай!».

А время, знай себе, идёт...
Он всё готовится в отлёт.

И вот уж он среди друзей,
Прекрасных белых лебедей.
И нет уж больше одиночества,

А всё лететь куда-то хочется...

И ты, мой друг, как гусь пернатый
Всё рвёшься от меня куда-то,
Уж шею вытянул вперёд,
Уже готовишься в отлёт...

А напоследок я скажу:
«Лети, мой друг!
Я не держу!».

Заблудившееся эхо

Когда-нибудь бродяга эхо
Со скал сорвётся
Звонким смехом
И громко крикнет:
«Оля! Где ты?!»
С глухим ответом:
«Оли... нету!...».

А ветер изваяет
Мой портрет,
Слагая трещины
В узоры.
И позабытый силуэт
Навеки впишет
В эти горы.

И девушка другой эпохи
Вдруг разглядит
Неясный профиль,
Услышит где-то вдалеке
На странном древнем языке
Сквозь смех и ветер:
«Оля! Где ты?!».
Скала ответит:
«Оли... Нету!...»

Не бойся, детка,
Это я!
Подруга давняя твоя!
И я когда-то
Здесь жила,

Твоей ровесницей была.
К горам прикована душой
Я стала эхом и скалой.

Ты к камню
Прикоснись рукою,
Тебя утешу, успокою,
От глаз завистливых укрою.
Через века, тебя любя,
Возьму печали на себя!

Мы – жили!
Работали, пели,
Смеялись, дружили.

Мы – жили!
Хотим, чтоб живущие
Нас не забыли.

Мы – были!
На этой прекрасной
И светлой земле.

Пусть кто-то за нас
Говорит о себе:
Мы – жили!
Мы – были!

По шумной улице,
Как по протоке,
Плыву я капелькой
В людском потоке.

Толпа весёлая
Мне улыбается,
И сердце радостью
Переполняется!

Каблучком – об асфальт,
Набок шляпа!
Обь-река – мама!
Барнаул – папа!

На повороте,
Как в водовороте,
Уже кружусь я
С кем-то в хороводе.

Люблю я улицы
И переулочки,
Где барнаульцы
И барнаулочки!

Мне сосна над рекой
Машет лапой...
Обь-река – мама!
Барнаул – папа!

Пословицы жили
Правдивы, как жизнь,
Порой они были
Остры, как ножи.

Било жестоко,
До слёз в глазу:
«Око за око,
Зуб за зуб!».

Но вот у дантиста
Глаза заболели,
И зубы от боли
Во рту закрипели...

У окулиста, что лечит глаза,
От боли зубной
Набежала слеза...

Пословицу старую
Быстро исправили,
Лишь только немного
Слова переставили:

«Мы дружбу свою
Доказали не раз –
Ты лечишь мне зубы,
А я тебе – глаз!».

Дружить, а не спорить
Положено нам,
И радость, и горе
Делить пополам!

Старика две старухи делили.
Друг за другом ревниво следили.
Всё казалось – уйдёт он к другой,
Как же жизнь коротать мне одной?

Старика обожали старухи,
Хоть и был он совсем тугоухий,
Хоть давно уже немощным был,
Да и сам никого не любил.

Так старухи всю жизнь и прожили,
Ненавидя друг друга – дружили.
Хоть бы раз, хоть бы в чём уступили...
Даже вместе его хоронили.

Умирает моё поколение,
Свято верившее, до наивности,-
Стоит только набраться терпения
И наступит век справедливости.

Нас становится меньше и меньше,
Голоса наши тише и глуше...
И уходят в долину вечности
Наши детски наивные души.